

The book cover features a dark, atmospheric background. In the center, there is a complex, glowing structure made of many thin, curved lines that spiral upwards, resembling a witch's hat or a magical portal. Small red dots are scattered along these lines. The top of the cover has a lighter, textured area with some dark specks. The title is written in large, bold, black Cyrillic letters across the middle. At the bottom, the Litres logo is visible.

ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАК ВЕДЬМА

Литрес

Оноре де Бальзак
Ведьма (сборник)
Серия «Minibook»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7686131

Ведьма: Правда; Москва; 2017

ISBN 978-5-699-93780-6

Аннотация

Перед нами письма и исповеди участников суда над девушкой, которую обвиняют в том, что она ведьма. Ни один из участников процесса не был равнодушен к обвиняемой. Суд выносит свой приговор – девушка поплатилась за свое непотребное для того времени отношение к любви. История изобилует неожиданными, порой комичными, а порой и трагичными поворотами.

Содержание

Наивность	5
Ведьма	9
Пролог	9
Глава первая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Оноре де Бальзак

Ведьма

© Издание на русском языке.

Оформление ООО «Издательство „Э“», 2016

Наивность

Клянусь крепким пурпуровым гребнем моего петуха и подбитой алым атласом черной туфелькой моей милой! Клянусь ветвистыми украшениями, произрастающими на лбу досточтимых рогоносцев, и священной добродетелью их жен! Прекраснейшее творение человека – отнюдь не поэмы, не великолепные картины, не звучная музыка, не замки, не статуи, как бы ни были искусно они изваяны, не парусные или весельные галеры – нет, наипрекраснейшие творения человека – это дети. Приглядитесь к детям, не достигшим еще десятилетнего возраста, ибо позже становятся они взрослыми мужчинами или женами и, набравшись ума-разума, половины того не стоят, что стоили в годы блаженного младенчества своего, – сколь хороши даже самые плохие из них! Посмотрите, как бесхитростно тешатся они всем, что попадется им под руку, – старым башмаком, особенно если он дырявый, или какой-нибудь домашней утварью, отшвыривают прочь то, что им не по душе пришлось, с воплями требуя то, что им вдруг полюбилось, рыскают по всему дому в поисках сластей, грызя и уничтожая все припасы, вечно хохочут и показывают зубки свои, лишь только те прорежутся, – и вы согласитесь со мною, что дети воистину прелестны; да и может ли быть иначе – ведь они плоды и цветы: плоды любви и цветы жизни!

И покуда разум их еще не омрачили постылые доуки жизни, не найдется во всем свете ничего более святого, ни более забавного, чем детский лепет, являющий собой верх наивности. Сие неоспоримо, как дважды два четыре. Никто не слыхал, чтобы взрослый человек сказал наивное словцо с простодушием ребенка, ибо в наивности взрослого всегда почувствуешь хоть крупицу умысла, тогда как наивность ребенка чиста и безгрешна, как сама мать-природа, что и будет показано в нашем повествовании.

Королева Екатерина была тогда еще супругой дофина, и, желая угодить королю, свекру своему, прикованному злым недугом к постели, она преподносила ему время от времени в дар картины итальянских мастеров, зная, что король питает к ним великое пристрастие, будучи другом синьора Рафаэля Урбинского, синьора Приматиччо и Леонардо да Винчи, коим посылал он значительные суммы.

И вот однажды она получила от своих родных (у них имелись лучшие полотна упомянутых выше художников, ибо герцог Медичи правил в ту пору Тосканой) бесценное творение одного венецианца по имени Тициан, художника императора Карла V, весьма к нему благоволившего. На картине изображены были Адам и Ева в тот самый час, когда господь бог благословляет их на блаженное пребывание в райских кущах. Были прародители наши написаны в натуральную величину и в костюмах того времени, относительно которых трудно было бы ошибиться: оба укрыты были лишь своим

неведением и облечены в покровы божественного милосердия, а все то, что кисть передать затрудняется, изображал с особым искусством вышереченный синьор Тициан.

Полотно это поместили в покое бедного короля, тяжело страдавшего от хвори, каковая и свела его вскорости в могилу. Про картину Тицианову был наслышан весь французский двор, и полюбоваться ею хотелось каждому; однако ж никто из придворных не имел на то дозволения вплоть до кончины короля, ибо, согласно его желанию, упомянутая картина должна была неизменно находиться в его покоях, доколе он жив.

Как-то раз супруга дофина привела к королю своего сына Франсуа и малютку Марго, которые начинали в ту пору, как то свойственно детям, лепетать, сами не ведая что. Слыша со всех сторон толки об упомянутом изображении Адама и Евы, они стали докучать матери, прося, чтобы та взяла их с собой посмотреть картину. И ввиду того, что малюткам уже доводилось не раз забавлять старого короля, супруга дофина вняла их просьбам и привела к деду.

– Вы желали видеть Адама и Еву, наших прародителей, вот они! – молвила она и, оставив детей в великом изумлении перед картиной синьора Тициана, сама села у изголовья короля, умиленно взиравшего на своих внучат.

– А кто из них Адам? – спросил Франсуа, толкая локтем свою сестрицу Маргариту.

– Глупенький! – отвечала девочка. – Как же можно это

узнать, раз они не одеты!

Этот ответ, приведший в великий восторг страждущего короля и мать, был сообщен королевой Екатериной в одном из посланий ее во Флоренцию. Никем из писателей он доныне еще не был предан гласности. Так пускай же сохранится он, как цветочек, на страницах этих сказок, хоть и нет в нем никакого озорства. А назидание отсюда можно извлечь лишь одно: дабы слушать милый детский лепет, надобно создавать детей.

Ведьма

Пролог

Некие жители преславной Турени, прослышав о том, что автор сей книги с великим рвением изучает древности, а равно забавные случаи и любовные похождения, происшедшие в нашем благословенном краю, заключили, что все, касающееся Турени, должно быть автору известно, и однажды после обильных возлияний приступили к нему с вопросом, установил ли он, как знаток этимологии, по какой причине одна из улиц города Тура прозывается «Горячей», возбуждая тем немалое любопытство. В ответ на это автор выразил удивление, что турецкие старожилы могли запомнить об изрядном числе монастырей, расположенных по вышеназванной улице, стены коих так долго накалялись от строгого воздержания монахов и монахинь, что стоило иной порядочной женщине замедлить ненароком шаг, совершая вблизи тех стен вечернюю прогулку, как она в скором времени оказывалась в тягости. Один дворянчик, желая блеснуть своими познаниями, сказал, что некогда на том месте сосредоточены были все городские притоны. Другой пустился в научные лабиринты, заговорил красно, да непонятно, сопрягая старину с новизной, объяснял, откуда какое слово происходит и как

их следует употреблять, пробовал на зуб глаголы и, как алхимик, разбирал древние языки со времен потопа: еврейский, халдейский, египетский, греческий и латинский, – приплел к чему-то Турнуса, основателя города Тура, и добавил, что, ежели из слова *chauld* (горячий) выбросить две буквы, «h» и «l», получится слово *cauda*, означающее «хвост», из чего следует, что в этом деле замешан чей-то хвост; турецкие дамы из всей этой премудрости только о хвосте и поняли.

А некий старец заявил, что на месте улицы в доброе старое время бил горячий источник, откуда пивал воду его прапрадед. Словом, в срок меньший, чем требуется, чтобы слюбиться мухе с мухой, нагромодили целую кучу этимологических объяснений, где истину было труднее обнаружить, нежели найти вошь во всклоченной бороде капуцина. Но ученый муж, прославленный своими скитаниями по монастырям, немало истребивший масла в лампе, светившей ему при ночных бдениях, истрепавший не один фолиант, а уж документов, хартий, актов, протоколов и исследований по истории Турени собравший больше, чем собирает хлебопашец колосьев на ниве в августе месяце, – сей ученый муж, сидя безмолвно в углу, старый, хилый, согбенный подагрой, вдруг презрительно усмехнулся и внятно произнес: «Чепуха!» Услышав это восклицание, автор понял, что старику ведама некая достоверная история, которой можно будет порадовать читателя.

И действительно, на другой день подагрик сказал автору:

– Своей поэмой, озаглавленной «Невольный грех», вы навсегда завоевали мое уважение, ибо все в ней истинная правда, с начала до конца, а сие, по моему разумению, есть наичценнейшее качество в подобных материях. Но как я вижу, вам неизвестны приключения мавританки, обращенной в христианскую веру мессиром Брюином де ла Рош-Корбон. Мне она известна, и, ежели вас занимает объяснение названия «Горячая улица», а также судьба монахини-египтянки, я вручу вам некий любопытный свод древних документов, позаимствованных мною в архиве архиепископства, библиотека коего немного пострадала в те дни, когда никто из нас не мог поручиться с вечера, что у него утром голова останется на плечах. Надеюсь, что вы будете вполне удовлетворены. Не правда ли?

– Еще бы, – ответил автор.

Таким образом, автор получил в пользование от прилежного собирателя древностей несколько прекрасных запыленных пергаментов, оказавшихся старинными протоколами церковного суда, и не без труда перевел их на французский язык, считая, что доподлинное восстановление этого средневекового судебного дела, которое раскрывает бесхитростное простодушие далекой старины, будет как нельзя более любопытным. Итак, внимайте! Вот в каком порядке были расположены документы, которые автор истолковал в меру своего разума, ибо всех дьявольских премудростей языка понять не мог.

Глава первая

Кто была ведьма

In nomine Patris, et Filii et Spiritur Sancti. Amen ¹.

В год тысяча двести семьдесят первый от рождества Христова нам, Жерому Корнилю, главному пенитенциарию и судье по делам духовным, к сему призванному членами капитула при соборе Св. Маврикия в городе Туре, надлежало представить на рассмотрение нашего владыки архиепископа Жеана де Монсоро жалобы и пени горожан, прошения коих будут к сему приложены. Некоторые знатные особы, а также горожане и простолюдины со всей епархии явились с показаниями о бесчинствах дьявола, подозреваемого в принятии женского обличья, и о великом зле, им содеянном душам христианским. В настоящее время оный дьявол ввергнут в темницу при капитуле. Дабы убедиться в справедливости сих жалоб, мы приступили к настоящему опросу 11 декабря сего года, в понедельник после обедни, имея в виду показания каждого свидетеля оному дьяволу сообщить и, допросив его о возводимых на него обвинениях, судить его

---

¹ Во имя отца и сына и святого духа. Аминь (лат.).

по законам contra daemonios ².

Для ведения и составления протокола вызван нами из капитула рубрикатор Гильом Турнебуш, муж весьма ученый.

Первым явился к нам для показания некий Жеан, именуемый Тортебра, или Ловкач, турецкий горожанин, с разрешения властей содержащий гостиницу под вывеской «Аист», что на площади у моста; Тортебра поклялся спасением души своей, положив руку на святое евангелие, что не произнесет ничего, чего бы он сам не слышал и не видел, и он показал следующее:

– Свидетельствую, что около двух лет тому назад под Иванов день, когда жгут праздничные костры, незнакомый мне дворянин, состоящий, по всей видимости, на королевской службе и находящийся у нас по пути следования из Святой земли, выразил желание нанять у меня дом, выстроенный мною за городом, с разрешения капитула, возле места, именуемого полем Сент-Этьен. Этот дом я сдал ему на девять лет за три безанта чистым золотом.

В упомянутом доме названный рыцарь поселил девку, видом пригожую, одетую на иноземный лад – по-сарацински или по-мавритански. Он прятал ее ото всех и не допускал никого к дому на расстояние выстрела из лука. Все же я рассмотрел, что голова ее разубрана пестрыми перьями, цвет кожи сверхъестественной красоты, глаза же ее так пылали, что описать не берусь и думаю, что бил из них адский пла-

---

² Против дьявола (лат.).

мень.

По той причине, что покойный рыцарь угрожал смертью каждому, кто посмел бы сунуть нос в ее жилище, я с великим страхом покинул свой собственный дом и по нынешний день в тайне хранил сомнения, опасаясь, не дьяволица ли она, чужеземка, столь привлекательного обличья, что среди женщин я еще не видывал ей равных.

Так как многие люди всякого звания подозревали, что рыцарь был уже мертв и держался на ногах лишь силою ворожбы, заклинаний, волшебного зелья и прочих сатанинских чар этого подобия женщины, желавшей укорениться в нашем краю, то и заявляю, что, сколько ни видел я того рыцаря, всегда был он бледен, точно восковая пасхальная свеча. Люди же гостиницы «Аист» знают, что он был предан земле на девятый день по своем прибытии. По словам конюха, покойный его хозяин, запершись в доме, крепко любил с мавританкой, семь дней подряд не выходя от нее, в чем, к ужасу нашему, и признался на смертном одре.

Тогда говорили, будто дьяволица привязала к себе названного рыцаря своими длинными волосами, якобы наделенными теми горячительными свойствами, посредством коих адский огонь охватывает христиан, под видом огня любовного, и они предаются плотскому неистовству, пока душа не выйдет вон из тела и попадет прямо в руки сатане. Я же утверждаю, что ничего подобного не видел, разве только видел покойного рыцаря изнуренным, зачахшим, не могущим поше-

велить перстом. И все же он до последнего часа, не внимая уговорам духовника, рвался к своей девке. И люди признавали в нем кавалера де Бюэль, сражавшегося в Святой земле и, по слухам, встретившего в азиатской стране, в Дамаске или еще где-то, околдовавшего его дьявола.

Как бы то ни было, я оставил мой дом в распоряжение незнакомки, согласно условиям договора при сдаче дома в наем. После кончины рыцаря я решил справиться у названной чужеземки, желает ли она остаться у меня в доме или нет. С большими затруднениями я был наконец допущен к ней в сопровождении некоего диковинного человека – чернокожего, полуголого и белоглазого. Тогда-то я увидел мавританку в уборе, сверкающем золотом и драгоценными камнями, освещенную ярким светом, в легкой одежде и возлежащей на азиатском ковре с другим дворянином, тоже погубившим ради нее свою душу. И я не осмеливался взглянуть на нее, ибо глаза ее миготали бы меня покориться ей, – если уж от одного ее голоса у меня похолодало нутро, помутилось в голове и душа рванулась к ней. В таком смятении, страхась господи, а равно и ада, выбежал я вон, покинув свой дом на ее произвол, – столь губительно было видеть ее басурманскую смуглость, пышущую дьявольским зноем, слышать ее голос, ущемляющий сердце, не говоря уже, что ножки ее были гораздо меньше тех, какие пристало иметь женщине обыкновенной; и с того дня я больше не хожу в мой дом, боясь адовых мук. Я все сказал.

Названному Тортебра мы показали некоего абиссинца, эфиопа или нубийца, черного с головы до пят, лишенного вовсе тех примет мужского пола, коими обычно одарены все христиане. И ввиду того, что сей эфиоп, многократно подвергнутый всяким пыткам и даже огню, упорствовал в молчании, хоть и стонал громко, было установлено, что он языка нашей страны не знает. Названный Тортебра сообщил, что язычник абиссинец проживал в его доме вместе с дьяволицей и содействовал ей в колдовстве.

Вышеуказанный Тортебра, ревностно исповедующий великую католическую веру, заявил, что больше знать ничего не знает и говорит с чужих слов, и все это известно остальным прочим, и что, не являясь свидетелем, он свидетельствует лишь о том, что слышал.

Вторым по нашему вызову явился Матвей по прозвищу Пустобрех, поденщик с фермы, находящейся близ Сент-Этьена, каковой, поклявшись на святом евангелии говорить одну лишь правду, признался, что всегда видел яркий свет в окнах у чужеземки и слышал непотребный и сатанинский хохот днем и ночью, и в праздники и в постные дни, равно и в святую седмицу и в сочельник, словно там пировало видимо-невидимо народу. Засим сообщил, что в окнах дома видел множество растений всякого рода, цветущих среди зимы, и особенно много роз в морозную пору и других прочих цветов, коим требуется изрядная жара, так что тут не обошлось без магии. Однако ж этим он удивлен отнюдь не

был, ибо от самой чужеземки исходил зной, и когда прогуливалась она под вечер вдоль его стены, то наутро на грядках до срока поспевали овощи. И не раз в деревьях начиналось брожение соков лишь от одного прикосновения ее одежды, и росли они вдвое быстрее положенного. Названный Пустобрех закончил тем, что ничего не знает, ибо трудится с раннего утра и ложится спать с курами.

Засим была опрошена жена поденщика Пустобреха и после клятвы сообщила все, что известно ей по сему делу. Она принялась хвалить чужеземку за то, что якобы по ее прибытии муж стал лучше с ней обращаться, и все благодаря соседству доброй дамы, разливающей вокруг себя любовь, как солнце свои лучи. Она говорила еще много несуразного, чего мы здесь приводить не намерены. Пустобреху, равно как и его жене, был предъявлен вышеупомянутый неизвестный африканец, которого они признали, ибо не раз видели его в саду около дома, и, по их разумению, он слуга дьявола.

Третьим явился мессир Гардуэн V, сеньор де Маилье, к которому мы почтительно обратились с просьбой разъяснить происшедшее для представления его показаний святой церкви, на что он ответил согласием и дал клятву доблестного рыцаря говорить лишь то, что видел собственными глазами. Он показал, что впервые увидел дьявола, о коем идет речь, во время Крестового похода в городе Дамаске, где встретил покойного рыцаря де Бюэля, дравшегося на поединке за обладание оной девкой, ибо эта девка, или дьявол, принадле-

жала тогда мессиру Жофруа IV де ла Рош-Позе, привезшему ее из Турени, хоть и была она сарацинкой, чему рыцари Франции премного дивились, так же как и ее красоте, вызывавшей немало толков и даже кровопролитных драк в лагере крестоносцев. Во время похода девка эта была причиной многих смертей, ибо де ла Рош-Позе уложил не одного крестоносца, пожелавшего отбить прелестницу, ведь, по словам рыцарей, тайно добившихся ее ласк, наслаждения, даримые ею, ни с какими иными сравнить невозможно. Но под конец рыцарь де Бюэль убил Жофруа де ла Рош-Позе и стал обладателем сей губительницы. Он укрыл ее в монастыре или же в гареме, по сарацинскому обычаю. До того ее многие видели и слышали, как говорила она во время пиршеств на всяких заморских языках – и по-арабски, и по-гречески, и по латыни, и по-мавритански, и по-французски, превосходя всех, кто среди христиан знает одно лишь наречие Франции, отчего и прошла молва, будто познания ее от дьявола.

Названный рыцарь Гардуэн признал, что не имел в Святой земле притязаний на дьявола отнюдь не из робости, или по равнодушию, или по какой-либо другой причине; приписывает же он свою удачу тому, что носил при себе кусок древа от Креста Господня, и, кроме того, участию одной знатной дамы родом из греческой земли, которая спасла его от опасности, лишая силы по утрам и вечерам, ибо забирала от него все, не оставляя ничего другим ни в сердце его, ни в иных местах.

Названный рыцарь засвидетельствовал, что женщина, проживавшая в доме Тортебра на поле Сент-Этьен, действительно есть сарацинка, прибывшая из Сирии, в чем он уверился, будучи приглашен к ней на пирушку рыцарем де Круамар, который представился на седьмой день и, по словам его матери, г-жи де Круамар, был разорен дотла названной девкой, от ласк коей иссякли его жизненные силы, а от нелепых прихотей иссяк кошелек.

После чего рыцарь Гардуэн был спрошен нами в качестве мужа рассудительного, ученого, уважаемого, что думает он о названной женщине, и, побуждаемый нами говорить все по совести, потому что речь идет о богомерзком случае, враждебном вере христианской и божественному правосудию, он ответил:

— Иные крестоносцы во время похода сообщили ему, будто чертовка эта девственна для всякого, кто находится с ней, что будто в нее вселился сам Маммон и для каждого нового любовника возобновляет ее девственность, и много других небылиц говорилось, что говорят мужчины спьяну, из чего не составишь пятого евангелия. Но верно одно, что он, уже старик, не приемлющий больше удовольствий, почувствовал себя вдруг молодым человеком во время последнего ужина, коим угостил его барон де Круамар. И что голос чертовки проник ему в сердце еще прежде, нежели достиг слуха, и зажег во всем его теле такой пламень страсти, что жизнь его стала исходить тем же путем, откуда она берется. И если б

не прибег он к помощи кипрского, если б не напился, чтобы закрыть глаза, свалиться под стол и не видеть пламенного взора дьяволицы — хозяйки дома — и не погубить себя ради нее, он уж, наверно, убил бы юного де Круамара, чтобы хоть раз насладиться ласками этой сверхъестественной женщины. После сего случая он поспешил исповедаться в нечистых своих помыслах. И по совету свыше взял у жены своей реликвию — кусок древа Креста Господня — и не выезжал более из своего поместья; но, даже вопреки христианской стойкости, голос дьяволицы нет-нет да и прозвучит в его ушах, а по утрам вставала она в его памяти с огневеющей грудью. По той причине, что разжигающий вид мавританки взбодрил бы его, как юношу, его, полумертвого старца, и лишил бы последних жизненных сил, названный рыцарь Гардуэн просит нас не вызывать при нем на допрос сию владычицу любовных чар, коей если не дьявол, то сам бог-отец даровал непонятную власть над мужчинами. После чего рыцарь удалился, прочитав в протоколе свое показание и признав чернокожего африканца слугой и пажом вышеуказанной дамы.

Четвертым был вызван к нам еврей Соломон аль Ратшильд, которого мы заверили именем капитула и нашего архиепископа, что он не будет подвергнут ни пытке огнем, ни прочим пыткам, а также не будет ему от нас никакого беспокойства и вторичного вызова на допрос, принимая во внимание, что он собрался в путь по делам своей коммерции. Дав показание, он может удалиться совершенно свободно.

Названный еврей, Соломон аль Ратшильд, сколь ни мерзка его вера и личность, был нами выслушан с целью узнать от него все, касающееся распутства названной ведьмы. Ввиду того, что он, Соломон, стоит вне христианской церкви, отделен от нас пролитой кровью нашего спасителя (*trucidatus Salvator inter nos*), то никакой присяге не был он принуждаем.

На вопрос, почему явился он без зеленой ермолки и без желтого колеса на кафтане, нашиваемого на месте сердца, согласно постановлению святой церкви и короля, Соломон аль Ратшильд предъявил нам письменный указ нашего короля, разрешающий ему это, с подтверждением сенешала Турени и Пуату. После чего вышеупомянутый еврей показал, что поставлял на крупные суммы товары даме, проживающей в доме Тортебра, хозяина гостиницы. Так, он продал ей золотые подсвечники в несколько ветвей, изящной чеканки, несколько серебряных позолоченных блюд, кубки, украшенные драгоценными камнями – изумрудами и рубинами. С Востока выписал для нее множество роскошных тканей, персидских ковров, шелковых материй и тонкого полотна. Словом, вещи столь роскошные, что ни одна королева христианского мира не могла бы похвастаться лучшим подбором драгоценностей и домашней утвари. На триста тысяч турецких ливров приобрел он для нее цветов из Индии, попугаев, птиц, перьев, пряностей, вин из Греции и бриллианты. На вопрос наш, доставлял ли он ей какие-либо предме-

ты для дьявольских заклинаний, как-то: кровь новорожденных, черные книги и другие предметы, обычно употребляемые колдуньями, аль Ратшильд, предупрежденный нами, что он может давать показания, не боясь, что будет за то взыскано с него, поклялся своей иудейской верой, что никогда ничем подобным не торговал. По словам его, он ведет слишком крупные дела, чтоб заниматься такими пустяками, ибо он поставляет драгоценности для некоторых весьма могущественных особ, как-то: маркиз де Монфера, английский король, король Кипра и Иерусалима, граф Прованский, знатные венецианцы и многие германские князья. Его торговые галеры ходят в Египет под защиту султана, привозят слитки золота и серебра, почему он и посещает монетный двор города Тура. Притом он заявил, что считает даму, о коей идет речь, весьма честной особой и самой обыкновенной женщиной, только невиданной красоты и изящества. Слухи о ее одержимости считает пустой выдумкой сумасбродов. Еще показал он, как, наслышавшись о ее дьявольском очаровании, поддался игре воображения, прельстился ею и предложил ей свои услуги в тот день, когда она случайно вдовела, и был принят. Хотя после той ночи он долго чувствовал себя разбитым, но не ощутил, как утверждают иные, что, мол, живым от нее не вернешься и расплавишься, словно свинец в тигле алхимика.

После сего заявления названному Соломону было разрешено удалиться, согласно охранной грамоте, хотя из показа-

ний его явствует, что сам он близок с дьяволом, ибо сумел выйти цел оттуда, где погибали добрые христиане. Аль Ратшильд предложил капитулу собора нижеследующую сделку относительно помянутого дьявола: буде ее приговорят к сожжению живьем, он, Соломон, обязуется заплатить выкуп, столь значительный, что можно будет на ту сумму достроить самую высокую башню воздвигаемой ныне церкви Св. Маврикия.

Что и занесено в протокол для того, чтоб в свое время обсудить на соборе капитула.

Удаляясь, Соломон аль Ратшильд не пожелал указать свое местожительство, сказав, что решение капитула ему сообщит некий еврей из еврейской общины города Тура по имени Товий Натан. Перед уходом еврея ему был предъявлен африканец, в котором он признал пажа дьяволицы и сообщил, что у сарацин есть обычай оскотлять своих слуг, коим поручен надзор за женщинами, и что об этом древнем обычае есть указания у историков: случай с Нарцесом, полководцем константинопольским, и многими другими.

На следующий день после обедни к нам явилась *пятая свидетельница*, весьма высокородная дама де Круамар. Названная дама поклялась святой верой, и принесла присягу на евангелии, и сказала, проливая слезы, что похоронила своего старшего сына, который скончался вследствие уму непопостижимой страсти к дьяволу женского пола. Оный молодой дворянин, имея от роду двадцать три года, был отменного

здоровья, весьма мощен и бородат, подобно своему покойному отцу. И, несмотря на свое могучее сложение, через три месяца побледнел и зачах, замученный ведьмой с Горячей улицы, как прозывают ее в народе; а мать лишилась всякой власти над ним. И в последние свои дни он стал похож на жалкого, высохшего червяка, каких нередко обнаруживают рачительные хозяйки, подметая свое жилище. И все же, пока еще мог он держаться на ногах, ходил к этой проклятой и отдавал ей последние свои силы и последние червонцы. Когда же он слег и ждал смертного часа, то изрыгал хулу и брань на голову своей сестры, брата и родной матери, хохотал в лицо духовнику; он отрекся от бога и пожелал умереть нераскаянным, чем весьма огорчились его слуги и, дабы спасти душу господина и извлечь ее из ада, заказали в соборе две ежегодных заупокойных мессы. А за право погребения его в освященной земле семья де Круамар обязалась в течение ста лет жертвовать капитулу воск для нужд часовни и церкви к празднику Святой Троицы. В заключение мать покойного заявила, что, кроме непотребных слов, произнесенных в присутствии досточтимого брата Людовика По, мармустьерского монаха, пришедшего напутствовать названного барона де Круамара, она от сына не слышала никаких иных слов, касающихся дьяволицы, изводившей его. И, сказав это, высокогородная дама в глубоком трауре удалилась.

Шестой явилась к нам по вызову нашему некая судомойка Жакета, по прозвищу Чумичка, которая ходит по домам

чистить кухонную посуду и живет в настоящее время в рыбном квартале. Поклявшись святой верой не говорить ничего такого, чего бы сама не считала за правду, заявила она следующее. Однажды зашла она на кухню к чертовке, ибо не боялась ее, ввиду того, что она чертовка вредила лишь мужскому полу. Судомойка свободно могла рассмотреть сего дьявола в женском обличье. Роскошно одетая, она прогуливалась в саду в обществе рыцаря, болтая с ним и смеясь, словно обыкновенная женщина. В ней судомойка признала мавританку, обращенную в христианство покойным сенешалом Турени и Пуату мессиром Брюином, графом де ла Рош-Корбон и отданную в монастырь Эгриньольской богоматери. Мавританка эта была найденышем, подобранным у подножия статуи святой Девы Марии, пречистой матери нашего спасителя. Видимо, ее ребенком похитили цыгане. В то время происходили волнения в Турени, и никто не думал заботиться об этой девчонке, коей исполнилось двенадцать лет, когда покойный сенешал и его супруга спасли ее от костра, где ей не миновать было жариться, – они окрестили ее и стали восприемниками сей дщери ада. В ту пору Чумичка работала прачкой в монастыре и подтверждает, что через двадцать месяцев после поступления в монастырь она цыганка бежала из него столь ловко, что никто не мог понять, как это произошло. Тогда было признано, что она с помощью дьявола улетела по воздуху, ибо, несмотря на все розыски, никаких следов побега в помещении монастыря не обнаружилось

и все вещи оставались на своих местах.

Судомойке был показан все тот же африканец. Она заявила, что его не видала в глаза, хотя и не прочь была поглядеть, ибо он сторожил то помещение, где мавританка неистовствовала, дюжинами губя своих любовников.

Седьмым нами из заключения был вызван для показаний Гюг дю Фу, двадцати лет от роду, сын мессира де Бридоре, отданный своему отцу на поруки по уплате его светлостью соответствующего залога. Гюг дю Фу был застигнут на месте преступления, когда он в сообществе нескольких негодных юнцов напал на тюрьму архиепископства и капитула, осмеливаясь противиться решению церковного правосудия и намереваясь устроить побег дьяволу, о коем идет речь. Невзирая на нежелание юноши отвечать, мы приказали названному Гюгу дю Фу свидетельствовать с полной искренностью обо всем, что известно ему о дьяволе, в сношениях с коим он сильно подозревается, и пояснили, что дело идет о его спасении и о жизни названной ведьмы; тогда он, приняв присягу, сказал:

– Клянусь спасением моей души и святым евангелием, лежащим под моей рукой, я считаю женщину, в коей подозревают дьявола, истинным ангелом, считаю женщиной безупречной телом и еще более того – душою. Она живет совершенно честной жизнью, исполнена очарования и искусна в любви. Она никому не причиняет зла, наоборот, щедра, помогает бедным и обездоленным. Заявляю, что она искренни-

ми слезами оплакивала кончину друга моего рыцаря Круамара, и так как она в тот день дала обет Пресвятой Деве не допускать до любовных утех слишком слабых плотью юношей, то неизменно и с превеликой стойкостью отказывала мне в наслаждениях телесных и разрешила лишь обладать ее сердцем, признав меня его властелином. После сего любезного дара, сдерживая мои разгорающиеся чувства, она жила в одиночестве, я же проводил в ее доме почти все свои дни, счастливый уж тем, что могу видеть и слышать ее. И я упивался, дыша единым с нею воздухом, любуясь светом, коим все озаряли ее прекрасные очи, испытывая больше радости за сим занятием, чем небожители в раю. Избрав ее навсегда дамой моего сердца, в ожидании того дня, когда она станет моею милой голубкой, моею женой, единственной моею подругой, я, несчастный безумец, не получил от нее даже залога будущих наслаждений, а, напротив, слышал только множество добродетельных советов: как достигнуть мне славы доброго рыцаря, как стать сильным и прекрасным, никого не бояться, кроме бога, почитать женщин, служить лишь одной даме и любить прочих в ее честь; впоследствии, когда я окрепну в бранных трудах и если будет она по-прежнему мила мне, только тогда она станет моею, ибо любит меня одного и вопреки всему дождетя меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.